



Жил человек в лесу возле Синих гор. Он много работал, а работы не убавлялось, и ему нельзя было уехать домой в отпуск. Наконец, когда наступила зима, он совсем заскучал, попросил разрешения у начальников и послал своей жене письмо, чтобы она приехала вместе с ребятишками к нему в гости.

Ребятишек у него было двое — Чук и Гек.

А жили они с матерью в далёком огромном городе, лучше которого и нет на свете.

Днём и ночью сверкали над башнями этого города красные звёзды. И, конечно, этот город назывался Москва.

Как раз в то время, когда почтальон с письмом поднимался по лестнице, у Чука с Гekom был бой. Короче говоря, они просто вили и дрались. Из-за чего началась эта драка, я уже позабыл. Но помнится мне, что или Чук стащил у Гека пустую спичечную коробку, или, наоборот, Гек стянул у Чука жестянку из-под ваксы.



Буфет был маленький. За стойкой пыхтел толстый, ростом с Чука, самовар. Он дрожал, тудел, и густой пар его, как облако, поднимался к бревенчатому потолку, под которым чирикали заветевшие погреться воробьи.

Пока Чук с Тексом пили чай, мать торговалась с ямщиком: сколько он возьмёт, чтобы довезти их в лес до места. Ямщик просил очень много — целых сто рублей. Да и то сказать: дорога и на самом деле была не ближняя. Наконец они договорились, и ямщик побежал домой за хлебом, за сеюм и за тёплыми тулупами.

— Отец и не знает, что мы уже приехали, — сказала мать, — То-то он удивится и обрадуется!

— Да, он обрадуется, — прихлёбывая чай, важно подтвердил Чук. — И я удивлюсь и обрадуюсь тоже.

— И я тоже, — согласился Тек. — Мы подъедем тихонько, и если папа куда-нибудь вышел из дома, то мы чемоданы спрячем, а сами залезем



под кровать. Вот он приходит. Сел. Задумался. А мы молчим, молчим, да вдруг как завоём!

— И под кровать не полезу, — отказалась мать, — и выть не буду тоже. Лезьте и войте сами... Зачем ты, Чук, сахар в карман прятать? И так у тебя карманы полны, как мусорный ящик.

— Я лошадей кормить буду, — спокойно объяснил Чук. — Забирай, Тек, и ты кусок ватрушки. А то у тебя никогда ничего нет. Только и знаешь у меня выпрашивать!

Вскоре пришёл ямщик. Уложили в широкие сани багаж, избили сею, укутались одеялами, тулупами.

Прощайте, большие города, заводы, станции, деревни, посёлки! Теперь впереди только лес, горы и опять густой, тёмный лес.

Почти до сумерек, охая, ахая и дивясь на дремучую тайгу, они проехали незаметно. Но вот Чуку, которому из-за спящих ямщика плохо

*Круше пожар, блещут штыки.
И чьи-то грозные полки,
Ударя в медный барабан,
Идут войной из дальних стран.*

«Постойте! — закричал им Тек. — Вы не туда идёте! Здесь нельзя!»
Но никто не постоял, и его, Тека, не слушали.

В тьме тогда выхватил Тек жестяную сигнальную дудку, ту, что лежала у Чука в картонке из-под ботинок, и загудел так громко, что быстро поднял голову задумчивый командир железного бронепоезда, властно махнул рукой — и разом ударили залпом его тяжёлые и грозные орудия.
«Хорошо! — окрикнул Тек. — Только стреляйте ещё, а то одного раза им, наверное, мало...»

Мать проснулась оттого, что оба её дорогих сына с двух сторон нестерпимо толкались и зоречались. Она повернулась к Чуку и почувствовала, как в бок ей ткнуло что-то твёрдое и острое. Она шарнула и достала из-под одежки пружину от капкана, которую запастил ей Чук тайно притащив с собой в постель.

Мать швырнула пружину за кровать. При свете луны она заглянула в лицо Теку и поняла, что ему снится тревожный сон. Сны, конечно, не пружина, и его нельзя выкинуть. Но его можно погудить. Мать повернула Тека со спины на бок и, покачивая, тихонько подула на его тёплый лоб.

Вскоре Тек заснул, улыбнувшись, и это означало, что плохой сон погас. Тогда мать встала и в чулках, без валенок, подошла к окошку.

Ещё не светало, и небо било всё в звёздах. Иные звёзды горели высоко, а иные склонились над чёрной тайгой совсем низко.

И — удивительное дело! — тут же и так же, как маленький Тек, она подумала, что дальше, чем это место, куда занесло её беспокойного мужа, наверное, и не много осталось мест на свете.

Весь следующий день дорога шла лесом и горами. На подъёмах ямщик спускался с саней и шёл по снегу рядом. Но зато на крутых спусках сани мчались с такой быстротой, что Чуку с Текком казалось, будто бы они вместе с лошадьми и санями проваливаются на землю прямо с неба.



двери. Распахнулась дверь, и с фонарём в руках и избу вошёл сторож, а с ним большая лямая собака. Он скинул с плеча ружьё, бросил на лавку убитого зайца и, поднимая фонарь к печке, спросил:

— Это что же за гости сюда приехали?

— Я жена начальника геологической партии Серёгина, — сказала мать, соскочившая с печки, — а это его дети. Если нужно, то вот документы.

— Вы они, документы сидят на печке, — буркнул сторож и осветил фонарём на встревоженные лица Чука и Тека. — Как есть в отца — копы! Особо вот этот толстый. — И он ткнул на Чука пальцем.

Чук и Тек обиделись: Чук — потому, что его называли толстым, а Тек — потому, что он всегда считал себя похожим на отца больше, чем Чук.

— Вы зачем, скажите, приехали? — глянув на мать, спросил сторож. — Вы же приезжать было не велево.

— Как не велево? Кем это приезжать не велево?

— А так и не велево. Я сам на станцию возил от Серёгина телеграмму, а в телеграмме ясно написано: «Задержись выезжать на две недели. Наша партия срочно выходит в тайгу». Раз Серёгин пишет «задержись» — значит, и надо было держаться, а вы самовольничаете.

— Какую телеграмму? — переспросила мать. — Мы никакой телеграммы не получали. — И, как бы ища поддержки, она устерянно глянула на Чука и Тека.

Но под её взглядом Чук и Тек испуганно тараща друг на друга глаза, поспешно попятились глубже на печку.

— Дети, — подозрительно глянув на сыновей, спросила мать, — вы без меня никакой телеграммы не получали?

На печке захрустели сухие щепки, веники, но ответа на вопрос не последовало.

— Отвечайте, мучители! — сказала тогда мать. — Вы, наверное, без меня получили телеграмму и мне её не отдали?

Прошло ещё несколько секунд, потом с печки раздался ровный и дружный рёв. Чук затакнул басовито и однотонно, а Тек выводил потише и с переливами.

— Вот где моя погибель! — воскликнула мать. — Вот кто, конечно, сведёт меня в могилу! Да перестаньте вы гудеть и расскажите толком, как было дело.

